

**Творча спадщина І. І. Срезневського
і проблеми теорії та практики філологічних досліджень**

УДК 811.161.1'01'374.2

В. П. Мякишев

Ягеллонський університет, Краков

**«Материалы для словаря (древне)русского языка»
авторства В. И. Прахова (1803–1854)**

Мякишев В. П. «Материалы до словника (давньо)руської мови» авторства В. І. Прахова (1803–1854). У статті представлено стан словникової справи в Росії першої половини XIX століття. На цьому фоні досліджуються результати лексикографічної діяльності мстиславського вчителя Віктора Прахова. На зламі 30–40-их років він створював, але так і не закінчив «Материалы до тлумачного словника російської мови» – чотири зошити зі «словами обласними, просторічними і архаїчними, взятими переважно зі староруських пам'яток та пам'яток Західної Русі». Демонструючи різні напрями лексикографічної діяльності В. Прахова, автор статті зосереджується на визначенні головної мети словника, яка полягала у представленні народної лексики щоденного вжитку. З огляду на те «Материалы...» Прахова повинні досліджуватися у рамках лексикографічних розвідок скоріше В. І. Даля, ніж І. І. Срезневського.

Ключові слова: *лексикографія, діалектна лексика, розмовна лексика.*

Мякишев В. П. «Материалы для словаря (древне)русского языка» авторства В. И. Прахова (1803–1854). В статье представляется состояние словарного дела в России первой пол. XIX века. На этом фоне рассматриваются результаты лексикографической деятельности Виктора Прахова, мстиславского учителя. На рубеже 30-х – 40-х годов им составлялись, но так и остались неоконченными «Материалы для толкового словаря русского языка» – четыре тетради со «словами областными, просторечными и архаическими, извлеченными преимущественно из древнерусских памятников и памятников Западной Руси». Демонстрируя разнообразные направления лексикографической деятельности В. Прахова, автор статьи сосредотачивается на выявлении главной цели словаря, которой является показ лексики повседневного народного употребления. В этом отношении праховские «Материалы...» должны рассматриваться в рамках лексикографических разработок, скорее характеризующих деятельность В. И. Даля, чем И. И. Срезневского.

Ключевые слова: *лексикография, диалектная лексика, разговорная лексика.*

Miakishev V. P. «Materials for an (Old) Russian Dictionary» by V. I. Prakhov (1803–1854). The paper provides a description of the status of Russian lexicography in the first half of the 19th Century as a background for a discussion of lexicography studies by Victor Prakhov, a teacher from Mstislavl. In late 1830s and at the turn of the 1840s, he compiled his (unfinished) «Materials for an Explanatory Russian Dictionary» – four writing books containing «regional, vernacular, and archaic words elicited mostly from Old Russian and Western Russian memorabilia». While describing the various areas of V. Prakhov's lexicography studies, the paper focuses on the key goal of the dictionary which was to capture the everyday colloquial vocabulary. In this respect, V. Prakhov's «Materials...» appear to be closer to the lexicography findings of V. I. Dahl, rather than to those by I. I. Sreznevsky.

Key words: *lexicography, dialect vocabulary, colloquial vocabulary.*

Представление неизвестного рукописного словаря, поименованного почти также как главный лексикографический труд И. И. Срез-

невского, целесообразно было бы предварить описанием ситуации, сложившейся в российском словарном деле в первой половине

XIX в. Это было время активнейшей подготовительной – собирательской – работы, лишь к середине столетия отмеченной целым рядом публикаций.

У истоков своеобразного словарного «прорыва», несомненно, лежала успешная реализация национального лексикографического проекта, результатом которого стал «Словарь Академии Российской» (первое издание – 1789–1794, второе, расширенное и измененное в порядке расположения статей – 1806–1822). Уже в этом лексиконе были обозначены основные направления работы: материалом для составителей САР послужили тексты современных им светских и духовных книг, а также памятников древнерусской письменности. Определенное отражение нашла здесь также простонародная и областная лексика. Такой контаминированный характер САР-1 и САР-2 (удержанный также в следующей значительной публикации Академии наук – «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.) должен был отнюдь не смешать языковые плоскости, но, напротив, развести их, выявить зоны наибольших сближений и показать следствия длительного взаимодействия.

Вместе с тем практически тогда же была осознана необходимость дифференцированного подхода к исследованию и словарной фиксации такого разнопланового материала.

За разработку сугубо исторической линии – представление лексики прежних эпох – взялись А. Х. Востоков и И. И. Срезневский, но их труды увидели свет уже во второй половине XIX в. («Словарь церковнославянского языка» А. Х. Востокова [1858–1861], «Материалы для словаря (древне)русского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [1893–1912]). Стоит ли удивляться такой неспешности – подготовительные работы длились десятилетиями и в основном базировались на изучении неизведанных прежде текстов. О размахе деятельности можно судить по высказыванию самого И. И. Срезневского: «Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех (разрядка моя. – В. М.) памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или в списках» [18:III].

Исследовательское же внимание к диалектной лексике, обернувшееся рядом лексикографических публикаций второй четверти XIX века, пожалуй, берет свое начало с инициативы Московского университета. В «Положении Собрания университетских питом-

цев, сделанном в полном заседании января 27-го дня 1789 года для Г. Почетных Ординарных и Экстраординарных иногородных членов» приводится приглашение, обращенное к выпускникам, чтобы они «смотря по времени, склонности и случаю, взяли на себя благой и произвольный труд присылать от времени до времени в Собрание нужные и любопытные сведения о тех городах и местах, в которых они или живут, или среди которых им проезжать случилось либо случится, и именно относительно к 3 м пунктам: 1) к натуре, 2) к гражданству и 3) к отечественному языку нашему (...): разнообразные его наречия, корни слов, особенные изречения и обороты, пословицы, поговорки, прибаски и прочее» [14:59]. Как утверждал позже П. К. Симони, «Положением» этим был возбужден интерес к собиранию областных слов и памятников народного творчества, нашедших себе приют на страницах трудов Общества Любителей Российской Словесности [14:59].

Начинание было подхвачено другими университетами, что обещало, но совсем не гарантировало успех предприятия. Вот как перспективы такой доморощенной лексикографии оценивал в то время проф. Казанского университета Г. И. Суровцев: «Мы наперед уверены, что она (наша мысль) не сбудется: потому что едва ли сыщется добровольный труженник (...), который бы принял на себя скучную обязанность шататься из угла в угол по России для собрания разноречий, из коих хотя бы и многиегодились для полного восстановления нашей коренной народности». И в ссылке добавляет: «Что этого дела нельзя поручить людям всякого разбора, служит доказательством попытка нашего Университета, который (...) пригласил было штатных смотрителей и учителей своего Округа заняться собиранием туземных слов, и что же вышло? Эти люди, считая общеупотребительным языком только книжный, прислали списки слов, вероятно потому признанных ими за областные, что не встречали их в печатных книгах» [20:205–206].

Впрочем, со временем количество переходит в качество: 40-е годы XIX в. отмечаются рядом интересных публикаций диалектного материала. В 1843–44 гг. выходит двухтомный «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народности», составленный В. Бурнашевым [11] (в числе сотрудников

этого лексикона поименован В. И. Даль). По свидетельству автора, «в состав этой книги входят двадцать пять тысяч слов, более или менее проясненных. Слова эти принадлежат к полеводству, луговодству, огородничеству, садоводству, домоводству, домостроительству, скотоводству, овцеводству, коноводству, свиноводству, пчеловодству, рыболовству, лесоводству, полеводству, плотничеству, кузнечеству, столярничеству... и проч. и, наконец, житью-бытью русского простонародья, т. е. обрядам, обычаям, описанию жилищ, пищи, питья, одежды, обуви, времяпрепровождения, увеселений и проч. в разных полосах нашего обширного отечества. Автор должен был прочесть, а не пролистать около трехсот томов разных сельско-хозяйственных универсальных и специальных книг на русском языке; поставить себя в сношения с множеством производителей по разным отраслям сельского хозяйства; беседовать часто с простолюдинами, посещать разные мастерские, постоянные дворы, лавки, рынки, торжища, народные собрания и проч.» [11: I–II]. 1844–47 гг. знаменуют лексикографические публикации М. Макарова: «Краткий словарь народных речений» [5] и «Опыт русского простонародного словотолковника» [6]. Лексиконы эти, составляемые по поручению Общества любителей Российской словесности при Московском университете, воспроизводят «простонародные» слова, бытовавшие на территории трех десятков губерний Российской империи. Объемный по замыслу «Словотолковник», черпающий материалы преимущественно в «Трудах ОЛРС», из-за смерти автора не был закончен, и никто не внял предложению О. Бодянского, написавшего в послесловии к книге: «Весьма желательно было бы, чтобы кто-либо продолжил этот труд до конца, тоже преимущественно по тем же самым материалам» [6: 181].

Иные лексикографические публикации 40-х годов XIX в. достаточно фрагментарно представляли микросистемы диалектной лексики конкретных регионов. Так, Н. Борисов, проживавший несколько лет в городе Шенкурск Архангельской губернии «имел случай собрать, между прочим, несколько (а точнее 336. – В. М.) простонародных слов, употребляемых в здешнем уезде» [2], П. Кузмищев прислал в редакцию «Москвитянина» словарь камчатских диалектизм [7], примеры «провинциализмов» приводил в своем сочинении Ф. Буслаев [3] и т. д.

Составлением диалектного словаря русского языка в это же время занималась и Академия наук, ее второе Отделение, однако два больших академических лексикона – «Опыт областного великорусского словаря» [10] и «Дополнение» к нему [4] – вышли из печати уже во второй половине XIX в. – в 1852 и 1858 гг. В обоих случаях редактором подготавливаемых изданий был А. Х. Востоков, а программу по собиранию материалов для «Опыта областного великорусского словаря» написал И. И. Срезневский. Последним же предложены и дополнены сведения по вологодским и воронежским областным словам, диалектам северо-восточной Сибири [9].

Лексикон, о котором пойдет речь в этом докладе, хранится в Отделе рукописей РГБ. Это четыре тетради с вкладными листами (общей сложностью 241 лист без учета обложек), исписанные двусторонне на бумаге большого формата. При каталогизировании библиотечные специалисты обозначили рукопись как «Материалы для толкового словаря русского языка (слова областные, архаические, просторечные и т. д., извлеченные преимущественно из древнерусских памятников и памятников Западной Руси)¹. Содержащиеся здесь формулировки должны подчеркивать основную направленность деятельности составителя, ставящего в центр внимания исторические и диалектные слова и выражения. Рукопись датируется второй пол. 1830-х – первой пол. 1840-х гг., т. е. приходится на период интенсивных лексикографических работ по указанным направлениям, но лишь в стадии сбора материала. Никаких словарных публикаций в это время еще не существует.

Автором неоконченного и неопубликованного труда был Виктор Иванович Прахов (1803–1854), на тот момент могилевский, а потом мстиславский учитель словесности. Правда, региональная прикреплённость его «Материалов...» оказывается связанной отнюдь не с местом работы, но рождения этого человека. В. Прахов вырос в Вохме Вологодской губернии в семье дьякона (не случайно позже любил подписываться под сочинениями – «Вохомский Пономарь»). Закончил духовное училище в Великом Устюге, Вологодскую семинарию и, наконец, Московский

¹ Фонд 777-1-1: (буквы а-ж) 64 лл. + 14 лл. обл.; фонд 777-1-2: (буквы з-л) 54 лл. + 8 лл. обл.; фонд 777-1-3: (буквы м-п) 66 лл. + 8 лл. обл.; фонд 777-1-4: (буквы р-я) 57 лл. + 24 лл. обл.

университет. Как выпускник, получивший образование на казенный кошт, «Пономарь» был направлен на учительскую службу в Белорусский учебный округ, работал в Витебске и Вильне (1832–1836), Могилеве (1836–1840) и Мстиславле (1840–1848). В свободное от учительских забот время немного сочинял и переводил, а больше занимался любительскими исследованиями. Составлял комментарий к лексике «Слова о полку Игореве» и очень основательно анализировал текст Литовского Статута. Все эти начинания не были закончены. В 1848 году В. И. Прахов перенес холеру, следствием болезни был «мозговой удар» – инсульт [8:140–203]. Работу в гимназии пришлось оставить, самостоятельные исследования тоже. Виктор Иванович переехал для лечения в Петербург, но и столичные врачи не в силах были ему помочь...

«Материалы для толкового словаря» В. И. Прахова имеют, несомненно, рабочий характер. Единственное, что здесь неукоснительно соблюдается – это размещение статей в зависимости от отнесенности заглавного слова к той или иной букве алфавита. Автор нередко повторно обращается к толкованию зафиксированной прежде лексемы, уточняет формулировки, приводит новые иллюстративные контексты. Кроме того, едва ли большая часть лексикона воспроизведена дважды – в черновом и переписанном начисто вариантах. Все это затрудняет определение общего объема словарного материала, поэтому – с опорой на приблизительные подсчеты без детальной систематизации данных – назовем цифру: около 3 тысяч статей.

Общая направленность лексикона на первый взгляд вполне соответствует определению, под которым он фигурирует в архивном каталоге: здесь рассматривается современная для комментатора лексика, архаичные слова и выражения – равно как древнерусские, так и западнорусские, большой пласт составляют вохомские (вологодские) регионализмы и разговорно-просторечные лексемы. При ближайшем рассмотрении акценты расставляются несколько иначе, но, чтобы это показать, следует познакомиться с каждой из обозначенных словарных групп.

Историческая лексика представляется Праховым скорее по модели, используемой позже Срезневским, нежели Востоковым: запись содержит определение значения и более-менее развернутый перечень выдержек из старых текстов, в которых встречались коммен-

тируемые слова и выражения. В числе источников цитат фигурируют древнерусские летописи (Новгородская и Кенигсбергская) и разнообразные грамоты (межевые, правые, розъезжие – их тексты в основном воспроизводятся по изданию «Собрание государственных грамот и договоров» архива Министерства иностранных дел [17]), такие славные памятники письменности как «Слово о полку Игореве» и «Хождение Игумена Даниила». Прежнее право представляют западнорусские Статут и Трибунал Великого княжества Литовского. Вот несколько статей с таким – историко-иллюстративным – комментарием:

Бологодѣть -и, ж. АК Сл. ꙗтъ. Да съ ними же послалъ бологодѣть отъ своей казны И. Г. Р. IX т. пр. 83 (т. е. История государства Российского Н. М. Карамзина. – В. М.). Того же ꙗтъа (1567) Царь и В. К. отпустилъ съ своею бологодѣтью, отъ своей казны, своихъ гостей и купцовъ въ поморскіе государства ib пр. 260.

Гридьба охранный войско. Того же ꙗтъа изгониша Литва Русу даждъ и до торгу, и стаха рушане, и заада, огнищане и гридьба, и кто купецъ и гости. Новгѣѣ. стр. 504. Онъ же прѣхавъ къ Ростову, и совок упивъ Ростовцы и бояры и гридьбу и пасынки и всю дружинуꙗхъа къ Володимиру. Кб. 263 (т. е. Кенигсбергская летопись. – В. М.). АС нѣтъ.

Дорѣ с. м. ломъ, соръ; ꙗсто, поросшее мелкимъ ꙗсомъ, заваленное валежникомъ, сучьями и разнымъ хламомъ. А Кочевинскую, господине, пустошь купишь игумень Христофоръ тому ꙗтъ съ шестьдесятъ, а то, господине, дорѣ Кочевинской. Грам. 1490 г. А. Ю. (имеется ввиду издание Археографической Комиссии «Акты юридические» [1]. – В. М.). А от камени черезъ дорѣ к Топоровской борти да к сломенной ели. Межев. Грам. 1464. Да за ꙗкою сосна сухая на дору на заросломъ 1555. Народ. Вохма. (см. также: **Дорище** с. с. То дорище нашихъ деревнь. Грам. 1490. **Дорить** сорить. Надорить въ иѣб Вохма. Экъ сколько дору ib.; **Дороватый** ая, ое, полный сору,хламу. Дороватый лесъ, дороватое поле).

Досѣтъ I. сѣлать. А около города острогъ досѣтъа. ꙗтъ. Новг. И ту посидѣ мало, дондеже досѣютъ Іюд ꙗи и поставятъ крестъ. Пут. Игум. Даꙗтъꙗ не досѣтите себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церѣкѣамъ и ꙗсту сему пуст оты. Л. Н. 1359. А мнѣ ся, господине, въ томъ

убытка достѣло шесть рублевъ денегъ. Прав. Грам. 1510. Да на дубѣ достѣли грань. Пра в. Грам. 1518. У васѣ безъ коней достѣвають. Грам. Что дей намѣ достѣете? И язѣ дру жбу доведу иб. Народ. Вохма. 2. Вооружиться. Слышавшие Болгары въ малѣ дружинѣ Мсти-слава пришедши и идуща вспять съ поло-номъ, достѣши вборзѣ и поѣхаша по нихъ въ шести тысячахъ и за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстѣ Кб. 251. Почаши воевати Ольговичи, и приведоша Половецѣ множест-во, и взяши Прилукъ, хотяще пойти на Яро-полка къ Кіеву, Ярополкъ же ~~похъ~~ со братьею своею, и идоша Ольговичи опять къ Чернигову. Кб. 191. Олговичи храбрыи князя достѣли на бранѣ. С. о П. И. (т.е. «Слово о полку Игореве». – В. М.).

Гонѣ, гоны, гон, гону, ловля, охота. Боб-ровый гонѣ, бобровое гѣздо. Если бы кня зские, панские або и землянские были гоны боб-ровые. Ст. Лит. X.9 (т.е. «Статут Литов-ский» 1588, раздел 10, артикул 9. – В. М.).

Лазбень, я, м. въ Польск. łazbień; липовый сосудъ, родъ бадьи, въ которую складываю медъ, вынимаемый изъ улья или борта. См. лазовка, липовка. А бортникомъ волно на ле-зиво лыкъ, альбо лубѣя на лазбень и на иншыя потребы, што бортникомъ на потребы ихъ бортницкие прислухаетъ, тыле, иле имъ по-треба будетъ взяти. Ст. Лит. X.3. Что ты выставилъ лобъ свой, якъ лазбень. Народ. Бѣлорус. Примѣчат. Линде неправильно объ-яснил это слово лавочкой, доской, по кото-рой бортникъ лазитъ на бортъ, чтобы вы-нимать оттуда медъ – или какъ выражает-ся въ народномъ пчеловодствѣ – на которой онъ подлазитъ бортъ. Sown. język. polsk. tom I, część II, стран. 1238 (речь идет о лексиконе С. Б. Линде [24]). См. Подлазитъ.

При рассмотрении целевой заданности помещения в словарь подобной лексики сто-ит обратить внимание на то обстоятельство, что в статьях, относящихся к историзмам, нередко фигурируют сопроводительные по-меты: *народ.* и *АС нѣтъ* (т.е. в «Словаре Академии Наук» данное слово не значится). Составитель стремился, таким образом, за-фиксировать архаизмы, удержавшиеся в на-родном употреблении. Совсем не случайно почти каждое второе из праховских «истори-ческих» слов и выражений фигурирует в со-временном «Словаре вологодских говоров» [15]. Уже подобные наблюдения должны склонять нас к мысли, что основным объектом лексикографического внимания В. И. Прахова

являлась не историческая, а диалектная или же просто бытовая лексика: слова повседне-вого употребления, характерные для речи простолюдинов преимущественно вохомско-го региона.

Вообще вологодские говоры приковывали особое внимание исследователей. Репутацию чуть ли не первого диалектного лексикона в России несет «Словарь областных слов, употребляемых в городе Устюге Великом» (1757 г., 301 слово). Только вот опублико-ваны материалы этого словарика были полтора века спустя [13:442–450].

Похожим образом складывалась судьба других вологодских лексикографических со-браний: специалисты считают, что до появ-ления сводного «Опыта областного велико-русского словаря» (1852, 1858 гг.) местными ценителями народного слова было составле-но более двадцати списков диалектизмов [19:84]. Да и столь ценимый теперь «Словарь областного вологодского наречия. По руко-писи П. А. Дилакторского 1902 г.» донедавна (2006 г.) также существовал только в автор-ском экземпляре.

По всей видимости, праховские «Мате-риалы...» ко времени своего составления яв-ляли собой наиболее объемный лексикон на-родных слов этого региона. Здесь зафикси-руются названия утвари, посуды, пищи, оде-жды, обуви, лексика различных промыслов, ремесел и занятий, элементов народной ду-ховной культуры, обрядов и суеверий:

Баб`ушка -ечка с. ж. игрушка, кукла. Ахъ! Сколько у тебя баб`ушекъ! Говорятъ дитя-ти. – Детей надо забавлять бабушками. На-род. Вохма.

Бобы -овѣ, мн. м. Четвероугольные, боль-шею частію изъ хѣбной корки нарѣзанныя жеребейки, на коихъ гадаютъ ворожеи. Чу-жую бѣду на бобахъ развѣду, а къ своей и ума не приложу. Погов. Ворожить на бо-бахъ, разводить на бобахъ.

Весн`ина -ы, ж. шерсть, снимаемая съ овецъ весною. Снять веснину.

И`стопле -я, ср. количество дровъ для вытопленія печи одинъ разъ. Нарубилъ дровъ на два истопля. Да тутъ не будетъ дровъ и полъ истопля. Народ. Вохма.

Кита -ы, ж. Кита сѣна, гороху. В ехоть, мочалка, пукъ мочаль для мытья въ ~~дом~~ лавокъ, посуды, столовъ и пр. Китой мыть посуду. Народ. Вохма

Пронизка -и, ж. Стекланный синяго или голубаго ~~штату~~ просверленный шарикъ,

употребляемый въ простомъ ѣ народ на ожерелья.

Сударь платъ, убрусъ, утиральникъ, полотенце.

Упакъ с. м. обувь, скатанная изъ шерсти. Ходить въ упакѣхъ. Вохма. Нога въ сапогъ другая въ упакѣ. *ib.*

Халтура с. ж. Поминальный пиръ, иногда вообще пирушка. Просить на халтуру. Пошли куры на халтуры, соловейко померъ. Бѣлор. Вохма. (см. также: **Халтурникъ** с. м. любитель пировъ, чело~~вѣкъ~~, любящій попить и поѣсть на счетъ другаго. Экой ты халтурникъ! Вохма. *Ale tobie widzę, iako staremu piżurnikowi, albo chałturnikowi, nie o powagę świętą, ale barziew o kiermaszu idzie. Pim. 332**).

Представление этнографизмов нередко сопровождается пояснительно-энциклопедическими толкованиями:

Горбуша с. ж. Коса, которою косятъ, бываетъ вправо и ~~въ~~во. Она противопологается ~~какъ~~ такъ называемой литовкѣ, и отличается отъ этой ~~тѣмъ~~ тѣмъ, что имѣетъ видъ огромнаго серпа.

Нойка -и, ж. Это слово употребляется охотниками за ~~вѣр~~ями. Зимой, ночуя въ лѣсу, они вырубаютъ два кряжка изъ подстоянаго дерева, кладутъ сперва одинъ, обтесываютъ его сверху въ длину, чтобъ лучше принялся огонь, потомъ на конце, накладываютъ кобылкой, т. е. брусочки, ~~гнѣ~~гнѣ углубленія съ обѣихъ сторонъ чтобъ тверже держались на кругломъ деревѣ, и сверхъ ихъ накладываютъ другой кряжъ. Кобылки служатъ для того, чтобъ верхний кряжъ сверху держался на нижнемъ и оставалось бы между ними пространство. Уложивъ такимъ образомъ оба кряжа, кладутъ огонь между ними. Верхній кряжъ какъ крыша препятствуетъ огню и теплу стремиться вверхъ и направляетъ ихъ въ стороны, теплота распространяется очень далеко отъ такого костра и почти параллельно къ землѣ.

Стлань (по выгов. слань) -и м. настилка изъ тонкаго ~~тсу~~тсу на мельничной запрудѣ, чтобы вода, падая на нее, не выбивала ямъ. Народ. Вохма. Смоленск. Губ. На слани бываетъ вода. На слань зашла рыба. На слани поймали большую щуку. Народ. Вохма.

Супрядки и, ж. Посидѣлки, куда бабы и дѣвки собираются прядь, въ однихъ мѣстахъ каждая для себя, въ другихъ всѣ на хозяйку. Тверск. Бѣлорус. послѣд. Вохма.

Тележникъ Дорога, по которой можно ѣздитъ на телегахъ, на колесахъ, въ противоположность дорожъ, по которой можно ѣздитъ только верхомъ.

Демонстрация образцов народной речи отнюдь не ограничивается у В. И. Прахова показом узкорегionalной этнографически маркированной лексики. Немалое место в рукописном лексиконе занимают слова, соотносимые с лексическими единицами литературного языка, но отличающимися от последних по форме или значению, напр.:

Простины прощанье. Быть у того на простилахъ Нар. Вохма. Волог.

Сегодній сегоднешній -я, -іе, нынѣшнему году принадлежащій. Сегодній урожай хлѣба не равняется лонскому. Нар. Арх. Вологда.

Странь -и. об. Экая ты странь! Съ такой странью я не хочу и дѣла имѣть.

Чисть -и, ж. Какая чисть на небъ ѣ. Народ

Хворыишъ с. м. Экой ты хворыишъ!

Арабчикъ а. м. такъ въ народе называють червонецъ, вероятно, отъ того, что въ старину чистое золото носило некогда названіе аравійскаго.

Благой -ая, -ое дурной. Волог. Оренб. Погода, дорога. Шуба добрая, а ты думаешь благая. Псков. Губ. (ср. также: **Блажной** помѣшанный, сумасшедшій, сумасбродъ).

Ватага с. ж. 1) артель, нѣсколько чело-вѣкъ, соединившихся для какого-либо общаго дѣла или промысла. 2) По Волгѣ и Каспійскому морю называются ~~пта~~пта, гдѣ рыбу ловятъ, 3) Семейство, семья. Велика ли у тебя ватага, ватажка? Народн. Вохма. 4) Толпа, множество. Такая валитъ ватага. Народн. Вохма.

Тепло -а, ср. огонь. Достать тепла. За тепломъ сходить. Нар. Вохма.

Хвостъ с. общ. Тотъ, кто ложь, неправду говоритъ. Экой ты хвостъ. Народ (см. также: **Хвостить** гл. -цу, -ишь, -тъ, лгать, врать. Не хвости. Ой, дѣва, ты схватила. Вохма).

Будучи неплохо подготовленным на то время лингвистом, В. И. Прахов при составлении лексикона достаточно часто предпринимал пробы этимологического анализа. Подспорьем исследователю служили труды Ф. И. Рейфа [12] и Ф. С. Шимкевича [23].

Получалось не всегда удачно – чуть ли не половина интерпретаций ошибочна, но в наблюдательности и самостоятельности решений мстиславскому лексикографу не откажешь:

* Цитируется сочинение Петра Могилы [25].

Будан`уть гл. ударить, треснуть, поразить. Я тебя такъ будану. Ср. Лит. *wezdas* палка*. АС нѣтъ.

Ёвня и. ж. овинъ, гумно. Сушитъ ёвно, быть на ёвнѣ, спалитъ ёвно. Бѣлорус. Слово ёвня одно изъ ~~замѣтнѣйшихъ~~ въ сл. авянской филологіи, происходитъ отъ Литовскаго *iawas*, которое, означая земныя произведенія, полевые плоды, вообще всякій хлѣбъ, растущій въ полѣ, однородно въ этимологическомъ смыслѣ съ Лат. *Ops*, съ Верхне-Германскимъ *obst* и съ Славянскимъ *овощь***¹. Вотъ что говоритъ Гваньини объ этихъ бѣлорусскихъ ёвняхъ: *Ruś biala zaraz z pola znosi wszelakie zboże do izb czarnych, które oni iawiami zowią, i tam ie suszą. Pwagn. 335* (А. Гваньини – итальянец, служивший в Великом княжестве Литовском, издатель и автор историко-географических сочинений, цитируется Праховым по словарю С. Б. Линде [24:869]. – В. М.). Такимъ образомъ, русское овинъ происходитъ совсемъ не отъ нѣмецкаго *офен* печка, какъ ~~досѣ~~ думали филологи (Линде, Рейфъ и др.), а есть то же ёвня, только въ другой діалектической формѣ и какъ то, такъ и другое означаютъ собственно мѣсто, куда складывается для сушки и потомъ для молоченія неотдѣленный еще отъ соломы хлѣбъ разнаго рода: рожь, пшеница, овесъ, ячмень и пр. Самое слово гумно есть не иное что, какъ опять тоже ёвня***². Здѣсь произошло слѣдующее измѣненіе: во-первыхъ м стало на мѣсто в. Это подтверждается Рагузанскимъ, Босняцкимъ, Кроатскимъ, Славонскимъ (более привычныя названія упомянутыхъ диалектов и языков: далматинскій, боснійскій и хорватскій; славонское же наречіе фиксировалось на территории Славонии, исторической области на востоке Хорватии. – В. М.), Сербскимъ и нашимъ областнымъ (Вологодск. Губ.) названіемъ гумна съ удержаніемъ *вмѣсто* м буквы в – *гупо*, *г`увно*, *гувн`о*; а въ началѣ, во -вторыхъ, при-

бавилось *придыхательное* г, на такомъ же основаніи, по которому слово явный въ Словацкомъ *имѣетъ* форму *gewni*, въ Богемскомъ (т.е. чешском. – В. М.) *gewny* и по старинному *gawny*. – У Рейфа и Шимкевича гумно считается словомъ *кореннымъ*.

Холуй с. м. Соръ, хламъ, оставленный всеннею водою на берегахъ рѣкъ, гдѣнибудъ въ кустахъ, въ лѣсу, въ затишѣ. Корень слова за холусте*. Да отъ Пызаозера межи Холуя да Палиеозеромъ большимъ. Грам. 1508.

Заключая представление неоконченного лексикографическаго труда мстиславскаго исследователя-любителя, отметим, что собранные им «Материалы...» не стоитъ рассматривать исключительно какъ историческую реликвию, звено в цепочке раннихъ подборокъ диалектныхъ словъ.

Праховскимъ словарь имеетъ самостоятельную ценность, поскольку отражаетъ живой языкъ, хотя и стосемидесятилетней давности. В этомъ отношеніи черновики Вохомскаго Пономаря должны рассматриваться въ рамкахъ лексикографическихъ разработокъ, представляемыхъ скорее В. И. Далемъ, чемъ И. И. Срезневскимъ.

*М. Фасмер не исключаетъ здѣсь влияния тур. *bozdogan* 'дубинка, палица', хотя самъ глаголъ характеризуетъ какъ неясное съ этимологическихъ позицій слово [21:232].

**Признавая справедливость возведенія *евни* к лит. *jaija*, укажемъ вместе съ темъ на некорректность соотношенія этой группы съ лат. *Ops*, верхне-нем. *obst* и слав. *овощь*, к тому же последнее слово по своему происхожденію никакъ не связано съ двумя предыдущими.

***снова исследователь оказывается лишь отчасти правъ: слово *ёвня*, действительно, связано съ *овин*, но отнюдь не родственно производнымъ изъ **gu-*.

*Позже к подобному этимологическому толкованію пришелъ также А. И. Соболевскій [16:146], однако М. Фасмер призналъ это решение неудовлетворительнымъ [22:83].

Литература

1. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. — СПб. : тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. — 447 с.
2. Борисов Н. Несколько простонародных слов, употребляемых в шенкурском уезде (Арханг. Губ.) / Н. Борисов // Отечественные записки. — 1844. — Т. XXXII, Смесь. — С. 82—90.
3. Буслаев Ф. О преподавании Отечественного языка. Ч. 2. / Ф. Буслаев. — Москва : Университетск. тип., 1844. — 375 с.
4. Дополнение к Опыту Областного Великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова. — СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1858. — 328 с.
5. Макаров М. Краткий словарь народных речений / М. Макаров // Маяк. — 1844. — Т. XVIII, кн. XXXV, гл. V. — С. 49—56; кн. XXXVI, гл. V. — С. 143—150.
6. Макаров М. Опыт русского простонародного словотолковника / М. Макаров. — Москва : изд. Московского ун-та, 1846. — 184 с.
7. Кузмищев П. Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке / П. Кузмищев // Москвитянин. — 1844. — Ч. II, № 3. — С. 237—259.
8. Мякишев В. П. «Слово о полку Игореве» в рукописном комментарии и судьбе анонимного исследователя XIX века / В. П. Мякишев, Н. М. Федосова. — Воронеж : изд-во ВГУ, 2000. — 222 с.
9. Никитин О. В. Очерк истории изучения памятников русской деловой письменности (XVIII—XX вв.) [Электронный ресурс] / О. В. Никитин // Православный образовательный портал «Слово». — Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42065.php>.
10. Опыт Областного Великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова. — СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1852. — 300 с.
11. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народности [в 2 т.]. / [сост. В. Бурнашев]. — СПб. : тип. Жернакова, 1843—44. — Т. 1. — 1843. — 487 с.; Т. 2. — 1844. — 415 с.
12. Рейфь Ф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или этимологический лексикон русского языка. — СПб. : тип. Греча, 1835—1836. — Т. 1. — 1835. — 648 с.; Т. 2. — 1836. — С. 641—1111, 279.
13. Симони П. К. Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1737 г.). // Живая старина. — 1898. — Вып. III. — С. 443—450.
14. Симони П. К. Русский язык в его наречиях и говорах. Вып. I, ч. I. / П. К. Симони. — СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1899. — 96 с.
15. Словарь вологодских говоров : [вып. 1—12] / [под ред. Т. Г. Паникаровской]. — Вологда : изд-во ВГПИ/ВГРУ, 1983—2007.
16. Соболевский А. И. Этимологические заметки / А. И. Соболевский // ЖМНП. — 1886. — Ч. 247, сент. — С. 143—157.
17. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. — Москва : тип. Всеволожского, 1813. — 689 с.
18. Срезневский И. И., Материалы для Словаря древнерусского языка [в 3 т.]. — СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1893—1903. — Т. I. — 1893, — С. IX, ст. 1420, с. 49.
19. Судаков Г., Вологодский крестьянин в зеркале родного говора / Г. Судаков // Русская речь. — 2004. — № 3. — С. 84—92.
20. Суровцев. Нечто о собрании областных слов / Г. И. Суровцев // Ученые записки, изд. Имп. Казанским университетом. — 1839. — Т. II. — С. 193—206.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [в 4 т.]. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I. — 1986. — 573 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [в 4 т.]. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. II. — 1987. — 671 с.
23. Шимкевич Ф. С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями. Ч. I—II. — СПб. : тип. Академии наук, 1842. — Ч. I. — 160 с.; Ч. II. — 167 с.
24. Linde S. B. Słownik języka Polskiego [w 6 t.]. — Warszawa : w druk. XX Pijarów, 1807—1813. — Т. I, cz. 2. — 1808. — 1215 s.
25. [Pimin E.], Lithos abo kamień z procy prawdy. — Kraków : druk. Waleryana Piatkowskiego, 1642. — 424 s.